DOI: 10.17976/jpps/2018.04.12

ВОПРЕКИ НЕВЕРИЮ. КАК СОСТОЯЛАСЬ РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Е.В. Егорова-Гантман

ЕГОРОВА-ГАНТМАН Екатерина Владимировна, кандидат психологических наук, доктор политических наук, президент Агентства стратегических коммуникаций "Никколо М", Москва. Для связи с автором: gatanegro@yandex.ru

Егорова-Гантман Е.В. Вопреки неверию. Как состоялась российская политическая психология. – Полис. Политические исследования. 2018. № 4. С. 156-167. https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.12

Статья поступила в редакцию: 12.03.2018. Принята к печати: 28.03.2018

Аннотация. В рецензии анализируются Учебник и Хрестоматия по политической психологии, выпущенные кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова. В этих книгах обсуждаются вопросы теории и методологии мировой политической психологии, прикладные исследования. Важными свойствами этих книг является предложение будущим политическим психологам высоких стандартов профессии. В Хрестоматии представлены выдающиеся работы зарубежных и российских авторов, классиков и современных психологов. Они показывают, как проблемы, поставленные еще в XIX в. или в начале XX в., нашли свое решение в веке XXI. Многие работы, вошедшие в Хрестоматию, и многие главы Учебника дают важную обратную связь для власти, помогая ей осознать психологическую специфику управляемой ею страны. Работы прикладного характера, входящие в Хрестоматию, помогают политическим лидерам в решении их повседневных проблем, например, усилению их потенциала в политической коммуникации. Важным итогом сорока лет развития российской политической психологии является создание арсенала методов исследований, развития многих оригинальных отечественных технологий. Обе книги показывают, что российская политическая психология уверенно занимает лидирующую позицию в мировой науке, стоя на одной ступени с американской и европейской политической психологией.

Ключевые слова: Е.Б. Шестопал; политическая психология; учебник; хрестоматия, политические лидеры; личность; восприятие; самооценка; система убеждений.

Еще в 1975 г. советская психологическая наука отрицала возможность возникновения политической психологии в СССР, но уже через несколько лет, развиваясь быстрыми темпами, эта дисциплина встала наравне с мировыми лидерами – американской и европейской политической психологией. Это оказалось возможным во многом благодаря Елене Шестопал, автору флагманских работ, построившей с нуля это научное направление в МГУ, создавшей интеллектуальный коллектив преподавателей, исследователей и авторов, которые на протяжении уже четверти века публикуют работы высокой научной пробы. Сегодня мы обсуждаем пятое издание Учебника по политической психологии и четвертое издание Хрестоматии по политической психологии.

Учебник и Хрестоматия объединены общей логикой и неспроста одновременно предъявляются читателю. В Учебнике осмысляются методология и история, конкретные методы исследований, анализируются политико-психологические феномены массового сознания, которые зачастую не при-

нимаются во внимание ни властью, ни населением. Эволюция массового сознания, его содержание в новейший период российской истории исключительно важны для понимания того, что, как и почему происходит в России.

Хрестоматия задает стандарты для будущих авторов и исследователей. Это прежде всего работы, в которых видны ценности авторов, их позиция в отношении исследования, выбора методов и подходов. Они прививают студентам и аспирантам страсть к своей науке, учат тонкости восприятия изучаемых процессов и людей, ответственности и профессионализму. Это важнейшая задача Хрестоматии, и она с блеском решена.

Хрестоматия показывает истоки западной и отечественной политической психологии, обогащая наше понимание этой науки. П. Ковалевский, В. Чиж, З. Фрейд и У. Буллит[1] могут многому научить тех, кого интересует личность политических лидеров. Они дают нам ощущение полета научной мысли, внимания к политическим фигурам, двигавшим мировую историю, полное восприятие сегментов политической психологии, будь то социализация личности, психологические профили или психология массового сознания.

Важнейшая из проблем политико-психологического исследования – объективность: как остаться непредвзятым в оценке объекта исследования и избежать проекции собственных установок в отношении лидера при анализе его личности, ложной интерпретации его характеристик или действий в силу собственных чувств и убеждений? Книги, которые публикуются кафедрой социологии и психологии политики – научно-объективные. В них анализируются – без личных эмоций, пристрастий и стереотипов – и личности политиков, и психологические процессы в российском обществе, подчас тревожные для политического руководства страны. Такой подход вызывает доверие к тексту, понимание, что задачами автора не являются ни панегирик, ни хула ради собственного удовольствия. Цель другая – показать читателю все как есть, предъявить доказательства, дать возможность самому сделать выводы.

Вступление З. Фрейда к совместной с У. Буллитом книге "Томас Вудро Вильсон. 28-й президент США. Психологическое исследование" чрезвычайно важно для Хрестоматии по политической психологии. В нем не только показаны истоки методологии психоанализа в изучении политических лидеров – оно завораживает признанием Фрейда в предубеждении к объекту исследования – президенту В. Вильсону [Политическая... 2018b: 8]. Более того, чем глубже он изучал его личность, тем больше находил оснований для своей антипатии. Далеко не каждый политический психолог в состоянии не то что публично, а даже самому себе сознаться в предвзятости к объекту исследования. Однако под влиянием Буллита, работавшего под руководством Вильсона и лично его знавшего, Фрейд в ходе тщательного исследования сумел преодолеть свою антипатию, нашел в себе силы объективно взглянуть на В. Вильсона, понять его внутренний конфликт и причины поведения, которое оказалось разрушитель-

[1] П. Ковалевский начал публиковать отдельные психологические портреты политических лидеров на рубеже XIX и XX вв. Так, психологический портрет Петра I ("Петр Великий и его гений") вышел в 1900 г. В. Чиж публиковал такие портреты, как "Психология властелина" (император Павел I) (1905-1907), "Психология злодея" (А.А. Аракчеев) (1905-1907), "Психология фанатика" (монах Фотий Спасский) (1905-1907). З. Фрейд и У. Буллит редактировали свой текст в 1932 г., однако решили опубликовать книгу о Вильсоне по этическим соображениям только после смерти супруги президента. В 1939 г. З. Фрейд умер, и книга была опубликована только в 1967 г., хотя все знали, что написана она была до 1932 г.

ным для него, страны и мира. Фрейд показывает тонкую грань между нормой и патологией и предостерегает будущих исследователей от прямолинейных оценок особенностей политиков, тем более, когда речь заходит о неврозах и их поведенческих проявлениях. Он призывает к глубокому анализу, поскольку "более интимное знание человека может способствовать более точной оценке его достижений" [Политическая... 2018a: 12].

Политическая психология часто оказывается в плену редукционизма, соблазна объяснить политические процессы исключительно психологическими причинами. Или, напротив, забыть о том, что помимо национальных интересов государств или военно-политических задач, существуют мотивы и убеждения политических лидеров, личностные особенности принятия внешнеполитических решений. И в этом другая серьезная проблема политической психологии. Не всем ученым и не всегда удается найти взвешенное и точное соотношение политического и психологического в объяснении сложных явлений и ситуаций.

Виток отношений западных стран и России от холодной до "неохолодной" войны последних лет нельзя объяснить только национальными интересами сторон, внутриполитическими задачами или же свести к личностям В. Путина, американских президентов и европейских лидеров, скажем, А. Меркель или Т. Мэй. И то, и другое сыграло свою важную роль. А еще процессы внешнеполитического восприятия, системы убеждений политических лидеров, национальные самооценки и другие психологические аспекты внешней и внутренней политики. Политическое лидерство не существует вне последователей, вне народа, который поддерживает своего лидера. Объяснять события исключительно за счет личности политического лидера – удел далеких от политической психологии людей. Учебник по политической психологии убедительно показывает несостоятельность однобокого подхода.

Политические психологи часто сталкиваются с проблемой методов исследования. Порой непросто объяснить, что в науке существуют определенные законы, и что проводимые исследования имеют объективный характер, а не являются вымыслами авторов. В обсуждаемых книгах представлены работы, в которых успешно используются как зарубежные методы исследования, так и российские, разработанные и апробированные сотрудниками кафедры. Наличие арсенала собственных методов – важнейший признак зрелости, показатель развития и места российской политической психологии в мировой науке, ее лидерских позиций.

Современная политическая психология изучает сложные динамические процессы в обществе. Одна из проблем, с которой сталкиваются ученые, – это донесение основных результатов исследований до лиц, принимающих решение. Психологический анализ политических изменений, безусловно, полезен власти как важная обратная связь. В отрыве от этих знаний легко ошибиться, сыграв не на той струне, затронув иные эмоции и, в результате, получить всплеск протестов, революцию, политическое небытие. Такое психологическое исследование реформ в российской политике редкий и потому еще более ценный вклад в развитие дисциплины. В главе Хрестоматии "Четверть века политических реформ в России с точки зрения психологии" показано, как менялись настроения, мотивы, ценности и представления людей [Политическая... 2018b: 106-121]. Власть, конечно, понимает, что управ-

ляет совсем другой страной, нежели 25 лет назад, но знает ли она, насколько другой? В деле управления знания качественных изменений важны не менее, чем в хирургии или военном деле.

Авторы показывают эти изменения под воздействием трансформации постсоветской политической среды, ее трудного спиралевидного развития, анализируют сложную многоуровневую структуру образов власти, демократии, реформ, содержащую не только когнитивный, но и эмоциональный компоненты. Именно они зачастую управляют политическим поведением населения, особенно в ситуациях кризиса и конфликта.

Восприятие демократии в России меняется от негативного к нейтральному, но вместе с тем идет обеднение смысла этого понятия, сведение его к скудному набору заученных слов вроде "народовластие", "свобода слова" и "равенство всех перед законом". Часть населения, которая негативно воспринимает демократию, резонно ищет тех, кто "эту демократию" России принес – "Запад" (*"пришло с Запада", "режим в США", "то, что всем навязывает Америка"),* а также отечественные враги – "сторонники Запада", правительство, *"западные приживалы", "власть богатых", "власть денег", "власть воров", "власть элиты над народом", "капитализм".*

Анализ эволюции ценностей показал, что в постсоветской России присутствует широкий их спектр: сторонники консервативных ценностей и радикалы, либералы и социалисты, "западники" и "национал-патриоты", религиозные фанатики и атеисты. Выявленный ценностный плюрализм – признак взросления общества, отходящего от тяжелой болезни государственной идеологии.

Еще одна проблема для российских политических психологов – минимальный объем открытой информации о политических лидерах. Есть сухие малоинформативные биографии, очень редко встречаются воспоминания учителей, сверстников, знакомых. Если американский политический психолог пишет, например, о личности президента США, то он может ознакомиться с массой книг, статей, исследований, биографий и поговорить с экспертами, лично знакомыми с объектами изучения.

Личность в мировой политике играет исключительную роль. И ее следует анализировать и в статике, и в динамике: важно понимать, как формируется и изменяется политик на протяжении своей жизни и карьеры, чтобы прогнозировать его деятельность и решения в конкретных политических ситуациях. Без изучения динамического аспекта личности политика его профиль будет не только плоским, но и искаженным, не позволяющим сделать глубокие выводы. В Учебнике анализируются различные подходы к изучению роли личностного фактора в политике, однако в отличие от многих работ выводы о преимуществе одного из них читателю не навязываются. Это важное свойство Учебника, который не диктует, а заставляет думать и анализировать.

Политические психологи, изучающие лидеров, сталкиваются с проблемой полноты анализа. Эта проблема напрямую связана со структурой личности, которая, однако, по-разному может быть представлена в зависимости от подхода исследователя. В ней может быть тридцать характеристик, или шестьдесят, или сто. Во многом структура отражает субъективные интересы ученых, которые более или менее подробно останавливаются на различных аспектах личности. Между тем среди специалистов существуют негласные до-

говоренности относительно минимального набора обязательных для анализа личностных характеристик.

В Учебнике детально прописана структура личности политика, включая один из самых сложных для понимания и исследования компонент – Я-концепцию. Самооценка, входящая в Я-концепцию, и образ Я политика во многом определяют направленность его мотивов и, в конечном итоге, его действий [Политическая... 2018a: 209-226]. Уязвленный, затравленный в детстве, закомплексованный политик может принести своему, да и чужому народу много горя. Мы знаем это на примере Гитлера, Сталина, Саддама Хусейна. Структура личности задает каркас для ряда исследований, представленных в Хрестоматии.

Построение психологического профиля – один из востребованных видов деятельности политического психолога и, по словам Е. Шестопал, один из "самых ответственных" [там же: 264]. И со стороны государства, и со стороны бизнеса зачастую приходит запрос на создание психологического профиля политической фигуры. Полезность таких профилей признана во всем мире, и Россия – в числе государств, в которых психологические портреты учитываются при принятии политических, внешнеполитических, экономических и оборонных решений. В Учебнике выпукло прорисованы образы президентов, депутатов, партийных лидеров. Личностный срез российской политики объективно представлен для нового поколения политических психологов, которым предстоит вынести свой вердикт о том, что происходило в России в первой четверти XXI в. Особый интерес представляет профиль раннего В. Путина.

При построении профиля применяются различные методы. Они могут быть контактными – при счастливых для психолога обстоятельствах, когда у него есть возможность взять у политика глубинное клиническое интервью или попросить его пройти проективный тест. Но чаще психологу приходится довольствоваться дистантными методами, от точности которых зависит качество портрета и достоверность прогноза действий политика. В Учебнике анализируются методы, среди которых политический психолог творчески выбирает те, которые ему представляются наиболее адекватными [там же: 265-266].

Неслучайно в Хрестоматии представлена работа Дэвида Г. Уинтера [Политическая... 2018b: 78-88], политического психолога из Мичиганского университета, внесшего выдающийся вклад в развитие методологии профилирования. Ему благодарны исследователи всего мира, почти сорок лет пользующиеся его дистантными технологиями для изучения личности политических лидеров в отсутствие необходимого объема информации.

"Кисти" Д. Уинтера принадлежат психологические портреты Ф. Рузвельта, Г. Трумэна, Дж. Кеннеди, Л. Джонсона, Р. Никсона, Дж. Буша-ст., Б. Клинтона, Дж. Буша-мл. и других американских президентов, М. Горбачева, 22 лидеров африканских стран. В Хрестоматии есть его работа с удивительно точным названием "Король-философ или противоречивый политик? Личностный профиль Барака Обамы", которую особенно интересно прочитать, когда на фоне трамповской одержимости разрушить созданное Б. Обамой все больше обсуждается его наследие – что ему удалось и в чем он потерпел поражение.

Д. Уинтеру в 2011 г., в конце первого президентского срока Обамы, удалось выявить корреляции его мотивов и сделать ряд прогнозов. При среднем мо-

тиве достижения Обама не будет сильно огорчен политическими конфликтами или снижением общественной поддержки, а при высокой потребности во власти он будет казаться большому числу американцев харизматичным, иметь успех в политической борьбе и получит чрезвычайно высокую оценку историков. Кроме того, Уинтер предположил, что во время второй половины президентства Обамы США снова могут быть вовлечены в войну – теперь известно о военных операциях в Ливии, Ираке, Сирии, Йемене.

Конечно, без большого биографического материала создать психологический профиль гораздо сложнее. Но, судя по Хрестоматии, с этой задачей авторы справились достойно: работы Н. Ракитянского уже много лет служат образцом методологии психологического профилирования [там же: 66-67], легли в основу исследований политических лидеров, российских и зарубежных, проведенных как Ракитянским, так и его аспирантами.

В главе "Психологические аспекты принятия политических решений в контексте критериев реалистичности" Н. Ракитянский отмечает особо яркое проявление личностных качеств политического лидера в ситуации выбора: трудно скрыть свои негативные качества, слабости, когда требуется взять на себя ответственность за сложное решение, особенно в условиях кризиса [там же: 440-445]. Одной из важнейших характеристик личности политического лидера, принимающего решение, является реалистичность – "трезвое, ясное, релевантное восприятие самого себя и окружающего мира, опирающееся на действительность.... Это способность трезво оценить сложную политическую обстановку и адекватно соотносить себя с актуальными и потенциальными проблемами" [там же: 441]. Введение понятия "реалистичности" все ставит на свои места в анализе деятельности Д. Трампа: рассмотрение его решений в контексте реалистичности во многом объясняет его неэффективность как президента, неспособность принимать решения, которые он может реализовать.

Даже в централизованной модели глава государства действует не один. Члены правительства представляют собой среду – более или менее эффективную, в которой политический лидер может реализовать свои стратегические решения. Изучать эту среду непросто даже в странах с многолетней культурой транспарентности политиков, где они на виду, где доступна масса открытой информации. В России, где такая культура отсутствует, за эту сложнейшую задачу взялась И. Рогозарь-Колпакова. В главе "Исполнительное лидерство: личностно-ситуативные особенности членов Правительства Путина" показана сложная система факторов, влияющих на эффективность деятельности российских министров [там же: 242-255]. В частности, их двойная *политико-административная роль* подразумевает разные виды поведения, которые министры реализуют на практике в правительстве, в министерстве, в парламенте и на публике.

В работе проанализированы личностные профили ряда министров. В частности, политическая направленность роли приходится по душе министру иностранных дел РФ С. Лаврову с его "аполитичной" Я-концепцией, "административным" поведенческим стилем, экстраверсией и высоким уровнем доминирования. Его личностные особенности хорошо сочетаются с требованиями дипломатических навыков для министра иностранных дел. Высокий мотив власти во многом объясняет "силовую" составляющую политической коммуникации С. Лаврова, проявляющуюся в острых иронических текстах по

отношению к спарринг-партнерам. В мировой политической психологии не так уж много работ, показывающих личность ключевых членов правительства, с которыми взаимодействует глава государства и которые реализуют главные направления политики государства. Поэтому ценно, что Хрестоматия учит новое поколение политических психологов шире и внимательнее смотреть на политический ландшафт государства, видеть более сложные и разветвленные структуры власти.

Создание психологического профиля чаще всего происходит в прагматических целях. Интересно узнать, как личность конкретного лидера влияет сегодня или повлияет в будущем на его политику или взаимодействие с другими крупными игроками. Хотя, конечно, нельзя игнорировать и чисто научное профилирование для развития метода и теоретической базы исследования. Прогностический потенциал профилей признан уже в течение 70 лет, они используются в политических, разведывательных и оборонных ведомствах многих стран. В США, например, профили военных противников активно использовали во время Второй мировой войны, в Советском Союзе – с 1982 г.

В основе методологии психологического профилирования лежит понимание значительной роли личности в истории, политике и войне. Баланс сил во внешней политике ЕС исключительно важен для его эффективного функционирования, однако может находиться под угрозой из-за личностных особенностей и мотиваций ключевых руководителей при отсутствии четкого разделения власти между Верховным представителем по общей внешней политике и политике безопасности ЕС, специальным уполномоченным по международным отношениям и вице-президентом Европейской комиссии.

В главе “Роль личности в политике на примере Евросоюза” [там же: 196-209] К. де Ландшир и Ю. Мидлхоф на базепсихологических портретов делают вывод о возможности плодотворного взаимодействия между лидерами Евросоюза [Ландшир де., Мидлхоф 2011]. Они основывают свой вывод на исследовании личностей трех руководителей ЕС – К. Эштон, Г. Ван Ромпея и Ж. Баррозу: они отличаются бесстрашием и добросовестностью и принадлежат к “Любезному” типу по типологии американского политического психолога О. Иммельмана, что позволяет им достигнуть согласия.

Исследователи делают вывод, что “К. Эштон и Ж. Баррозу, кажется, нуждаются в Г. Ван Ромпее, когда дело доходит до точности и добросовестности при анализе документов” [Политическая... 2018b: 206]. Вместе с тем политические психологи подозревают, что комбинация недоверчивости и доминирования, выявленная ими у Ж. Баррозу, может привести к сложностям в отношениях с Г. Ван Ромпеем, однако в итоге конфликты между ними будут успешно преодолены и не повлияют на качество принимаемых руководством ЕС внешнеполитических решений.

В российской вертикали власти губернаторы находятся в весьма непростом положении ввиду специфики региональной политики и необходимости адаптировать свои личностные особенности для политического выживания. Они должны демонстрировать Москве эффективную работу, минимум требований и просьб о помощи региону, успешно презентировать себя федеральному Центру, не забывая о населении. Особенности губернаторов проявляются не только в стиле руководства регионом, но и в отношениях с Москвой и президентом и во включенности в федеральные программы.

Е. Добрынина в главе “Человеческий капитал российского губернаторского корпуса” убедительно рисует степень свободы действий российских губернаторов: “Политическая система предоставляет им довольно узкий коридор возможностей, в рамках которого они могут успешно действовать и достигать поставленных целей. Набор средств выражения своей позиции, неких стандартизованных формул публичных высказываний тоже не слишком широк: все, что выходит за рамки принятых норм, может обернуться против политика и стоить ему карьеры, и он это обычно прекрасно чувствует. Более того – определенная ‘предсказуемость’ губернаторов и их довольно простая теперь взаимозаменяемость, по всей видимости, служит залогом устойчивости всей системы взаимоотношений федеральной и региональной власти в рамках единой вертикали” [там же: 224]. Применяя метод анализа публичных выступлений и биографических данных, исследователь выявила как отличительные черты губернаторов, так и черты, присущие всем региональным лидерам вне зависимости от их личностных характеристик, обусловленные их политической ролью: “Для того чтобы успешно выполнять свои функции и в регионе, и во взаимоотношениях с Москвой, современным российским губернаторам требуется проявлять гибкость и изобретательность, демонстрируя не только на деле, но и в публичных выступлениях свою способность быть одновременно ‘хозяином’ региона и надежным ‘винтиком’ государственной машины” [там же: 240]. Их выступления одновременно адресованы различным целевым аудиториям: федеральной власти и региону – населению и элитам. У всех губернаторов присутствуют одинаковые месседжи: “я – хозяин у себя в регионе”, “я – политик федерального масштаба”, “я – неординарная личность”, “я – генератор идей”, “я – стратег и тактик”, “я лоялен центральной власти”, “я лоялен не всей центральной власти, а лишь ее лидерам”, “у меня есть будущее” [Политическая... 2018а: 294-298].

Личностные особенности губернаторов сильно разнятся, но они помогают им эффективно играть свои роли, чтобы не только пластично адаптироваться к не всегда прозрачным и часто противоречивым условиям “выживания”, но и создавать базу для своего карьерного роста. Психологический анализ губернатора показывает, как конкретно проявляются его личностные характеристики, помогают спрогнозировать будущее регионального политика, его возможную роль на федеральном уровне.

Политический менталитет – не модный термин, а исключительно важный политико-психологический феномен, который еще предстоит до конца понять. Лидером его изучения является кафедра социологии и психологии политики МГУ им. М.В. Ломоносова: в Учебнике дан его глубокий анализ, разобрано понятие и структура политического менталитета [там же: 294-304]. Показана динамика становления политических взглядов и то, как полученные знания, ценности, установки и политические ориентации в итоге образуют политический менталитет [там же: 304-310]. Е. Шестопал выделяет в нем два существенных компонента: взгляды, ценности, чувства, представляющие содержательную сторону политического менталитета, и стиль мышления, характер политических рассуждений, способ восприятия системы.

Кафедрой разработана пятифакторная модель политического восприятия. На формирование образа политического объекта влияют пять групп факторов: объектные, субъектные, пространственные, темпоральные, коммуни-

кативные. В главе "Особенности политического восприятия в современных российских условиях", А. Зверев и др. показывают, что тезис о том, будто российская политика воспринимается глубоко персонифицированно, неоднозначен [Политическая... 2018b: 350-365]. В случае ЛДПР – партии одного лидера, он подтверждается, тогда как в отношении других партий – личность лидера лишь один из факторов восприятия партии, наряду с другими – психологическими и политическими.

В последние годы немалую долю научных публикаций составляют тексты, не решающие важнейшую задачу науки – проведение беспристрастного и глубокого анализа реальной ситуации. Подобные работы не представляют интереса и для самой власти, которая, если стремится быть успешной, должна получать внятную обратную связь. Авторы Хрестоматии стремятся такую связь предоставить: так, в главе С. Нестеровой "Визуальные и вербальные характеристики образов власти" изложены результаты исследования с помощью проективных технологий [там же: 366-378]. Сравнение вербальных и визуальных образов власти представляет интерес потому, что, испытывая социальный страх, люди часто вводят в заблуждение интервьюеров. Проективные методы позволяют получить реальные чувства и образы, которые есть у респондентов. В частности, рисуночные тесты наглядно показывают правдивую картину, порой весьма неприятную. "Одной из главных претензий к власти на современном этапе является ее неопределенность и размытость, причем на бессознательном уровне (что выявлено с помощью проективных методов), это выражено сильнее, теневой характер власти вызывает у ряда опрошенных настороженность и опасения" [там же: 376]. Автор убедительно показывает, что на бессознательном уровне респонденты-москвичи воспринимают власть без какой-либо симпатии, она вызывает чувства тревоги и страха. Теневой характер власти вызывает настороженность и опасения. Одно из выраженных качеств власти – "сила", на вербальном уровне оценивается положительно, а на визуальном и бессознательном – более сложная картина: "Сильная и агрессивная власть, с одной стороны, оценивается позитивно, с другой – ряд респондентов ощущают бессознательный страх перед этой силой и агрессивностью, которая может и *поглотить*, что особенно выражено у московских опрошенных" [там же: 377]. Автор констатирует, что "в нашей стране с неустойчивыми ценностями и отношением к власти невербальные характеристики показывают более глубинное и устойчивое отношение к власти, вербальные же характеристики связаны с социально одобряемым поведением и влиянием СМИ" [там же: 377-378]. Поэтому следует дополнить традиционные количественные опросы качественными исследованиями, если власть хочет иметь реальную картину восприятия ее населением.

Ряд политических лидеров в мировой истории обладает так называемым тефлоновым эффектом: население устойчиво воспринимало их положительно, никакая грязь не приставала к их образу и не портила это отношение. России знаком этот феномен на примере образа В. Путина, в США – Б. Клинтона, в Англии – Т. Блэра. Этому феномену посвящена глава "Создание образа лидерства: на примере Клинтона и Уотергейта" известных американских политических психологов М. Джаста и Э. Криглер [там же: 290-308]. Над созданием образа лидера трудится армия специалистов, включая ближнее окружение, политических консультантов, СМИ, группы поддержки, жен и близких родственников. Не меньшая армия трудится над

разрушением их образа. Почему для некоторых политиков эти разрушительные попытки нипочем? Все дело в первоначальных ожиданиях, отвечают авторы. Б. Клинтон, благодаря низким ожиданиям в отношении его морального поведения и высокому одобрению его экономических достижений, спасся от разрушения своего образа и не лишился поддержки населения, несмотря на серьезность обвинений со стороны критиков. Другой американский президент, Р. Никсон, из-за высоких ожиданий относительно его личной порядочности и благодаря разочарованию его управлением экономикой, полностью потерял доверие и поддержку со стороны населения.

Ключевыми факторами образа лидера выступают прежние ожидания, предписываемые ему результаты политики, текущие события и политические ресурсы. В новой ситуации наиболее важный фактор – это восприятие лидера в прошлом. Для создания образа характерны динамика и нарастание, поэтому лучшие предсказания делаются на основе прежнего образа. Если общество воспринимает лидера как высокоморальную личность, он может дорого заплатить в случае компрометации.

Результаты политики находят бо́льшую поддержку у населения чем то, что президент предлагает на будущее. Внешнеполитическое лидерство также может быть источником в создании образа сильного президента. В ходе международных кризисов обычно возникает чувство единения (*rally effect*). Как лидер страны, президент извлекает выгоду из патриотического энтузиазма. И напротив, в ходе затянувшейся безуспешной войны образ президента (как это было с Л. Джонсоном) может резко обесцениться в прессе и общественном мнении. Если у лидера есть достижения, то даже небольшой его успех возвеличивается и мифологизируется. Если же лидер раз за разом терпит неудачу, то даже мелкий неуспех воспринимается очень негативно. Выборная должность является значимым ресурсом для создания образа лидера, она вызывает уважение в обществе, придает легитимность.

Политическое поведение отдельных граждан и масс обусловлено их мотивами, потребностями, ценностями. Личностные характеристики непосредственно влияют на решение граждан участвовать или не участвовать в выборах или в акциях протеста. В Учебнике даются очень точное описание и анализ политического поведения, которые полезны организатором избирательных кампаний.

Анализ стихийных форм поведения исключительно актуален в условиях значительного роста экстремизма в мире. Психологический анализ маргинальных слоев, с их предрассудками, утраченными ориентирами и традиционными ценностями необходим для понимания экстремистских движений. Многие исследователи считают идеологию этих движений главным приводным ремнем, но эмоции, инстинкты, предрассудки, бессознательные чувства людей в руках политических лидеров становятся самым действенным инструментом, толкающим на чудовищные поступки. В Учебнике делается вывод, что политическая психология дает для понимания политического поведения арсенал методов и концептов, которыми не располагает традиционная политическая наука. “Эти методы не заменяют собой тех, которые позволяют исследовать политические институты, но дополняют их в той части, которая касается человека, действующего в политике и как субъект, и как объект” [Политическая... 2018а: 348-349].

И. Владыкина в главе “Страх публичных выступлений: социально-психологический анализ” показывает серьезную жизненную проблему, с которой сталкиваются многие политики по всему миру [Политическая... 2018b: 428-439]. Страх не обязательно парализует политика, но заметно снижает его коммуникативный потенциал. “...Ситуация публичного взаимодействия зачастую предъявляет высокие требования к стрессоустойчивости личности, способности держать удар, умению в эмоционально накаленной ситуации действовать разумно, проявляя бойцовские качества характера. Психологические ресурсы личности играют здесь ведущую роль. Сильное эго, четкая позиция, уважение к себе помогают человеку встать над ситуацией, использовать методы силового вербального давления, сохраняя достоинство и уважение к сопернику. Подобный стиль публичного поведения доступен не каждому человеку” [там же: 436]. Страх публичных выступлений мешает здоровой конкуренции на всех уровнях политической жизни, особенно во время избирательных кампаний.

Сегодня российская политическая психология – это системная развитая наука, готовая к вызовам времени. Она имеет прочную теоретическую, методологическую и методическую базу, большой опыт теоретических и прикладных исследований. Рассмотренные книги делают политическую психологию не только сильнее, но и значительно интереснее для тех молодых ученых, которые начинают в ней свой путь.

Ландшир де К., Мидлхоф Ю. 2011. Роль личности в политике на примере Евросоюза. – *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 25-35. URL: http://www.politstudies.ru/article/4392 (проверено 02.05.2018).

Политическая психология. Учебник для вузов. Под ред. Е.Б. Шестопал. 2018a. 5-е изд. М.: Издательство “Аспект Пресс”. 368 с.

Политическая психология. Хрестоматия. Сост. Е.Б. Шестопал. 2018b. 4-е изд. М.: Аспект Пресс. 448 с.

Уинтер Д.Г. 2011. Король-философ или противоречивый политик? Личностный профиль Барака Обамы. – *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 36-46. URL: http://www.politstudies.ru/article/4393 (проверено 02.05.2018).

DOI: 10.17976/jpps/2018.04.12

DESPITE THE DISBELIEF. THE STORY OF RUSSIAN POLITICAL PSYCHOLOGY

E.V. Egorova-Gantman[1]

[1]*Agency for Strategic Communications “Nikkolo M”. Moscow, Russia*

EGOROVA-GANTMAN Ekaterina Vladimirovna, Cand. Sci. (Psychology), Dr. Sci. (Pol. Sci.), President, Agency for Strategic Communications “Nikkolo M”. Email: gatanegro@yandex.ru

Egorova-Gantman E.V. Despite the Disbelief. The Story of Russian Political Psychology. – Polis. Political Studies. 2018. No. 4. P. 156-167. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.12

Received: 12.03.2018. Accepted: 28.03.2018

Abstract. The review analyzes the textbook and the reader on political psychology issued by the Department of Sociology and Psychology of Politics of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University. These books discuss questions of theory and methodology of world political psychology and applied research. The important feature of these books is the high standard they set for the

profession of political psychologist. The reader presents outstanding works of foreign and Russian authors, both classics and modern psychologists. They show how the solutions were discovered for problems posed in the XIX century and even in the beginning of the XX century. Many of the works included in the reader and many chapters of the textbook provide an important feedback for the authorities, helping them to understand the psychological specifics of their country. Applied works presented in the reader help political leaders in solving their everyday problems, for example, strengthening their potential in political communication. An important result of forty years of development of Russian political psychology is the creation of an arsenal of research methods, the development of many original domestic technologies. Both books show that Russian political psychology confidently occupies a leading position in the world science, standing on the same level as American and European political psychology.

Keywords: E.B. Shestopal; political psychology; textbook; reader; political leaders; personality; perception; self-esteem; belief system.

References

Landshir C.de, Middlehof J. The Role of a Personality in Politics (With the EU as Example). – *Polis. Political Studies*. 2011. No. 2. P. 25-35. (In Russ.) URL: http://www.politstudies.ru/en/article/4392 (accessed 02.05.2018).

Politicheskaya psikhologiya. Uchebnik dlya vuzov. Pod red. E.B. Shestopal [Political Psychology. Textbook for High School. Ed. by E.B. Shestopal. 5th ed.]. Moscow: Aspect Press. 2018a. 368 p. (In Russ.)

Politicheskaya psikhologiya. Khrestomatiya. Sost. E.B. Shestopal. 4-e izd. [Political Psychology. Reader. 4th ed. Ed. by E.B. Shestopal]. Moscow: Aspect Press. 2018b. 448 p. (In Russ.)

Winter D. A King-Philosopher or a Contradictory Politician? – *Polis. Political Studies*. 2011. No. 2. P. 36-46 (In Russ.) URL: http://www.politstudies.ru/en/article/4393 (accessed 02.05.2018).